

18+

Мария Семкина

ВСЕГО ЛИШЬ КОФЕ

Записки врача скорой помощи

Мария Семкина

**Всего лишь кофе. Записки
врача скорой помощи**

«Издательские решения»

Семкина М.

Всего лишь кофе. Записки врача скорой помощи / М. Семкина — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга об отношениях. трудной работе врача скорой помощи, о профилактике одиночества, о лекциях и борьбе с пьянством и другими зависимостями.

© Семкина М.

© Издательские решения

Всего лишь кофе Записки врача скорой помощи

Мария Семкина

© Мария Семкина, 2026

ISBN 978-5-0070-6515-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всего лишь кофе

Кофе. Врач-коллега — женщина, одинокая, еще симпатичная, красивая уже увядающей красотой, но исходит от нее какое-то обоняние... но везде сама, везде могу, мужики таких избегают и от бессилия стала сильной, привыкла на всем экономить, воспитывает детей одна... и фельдшер-дамский угодник, смазливый, молодой, нравится многим... она сильная, но не смогла правильно оплатить кофе в автомате... просит нас помощи... случайно с ней столкнулись в приемном покое... я объяснила как лучше... справиться с автоматом, а фельдшер взял и оплатил и сказал угощайтесь и ей стало так приятно, что она не сама, не одна и ей помогли...

угостили... могла сама оплатить... мелочь, а приятно... Человеку нужен человек, а женщине нужен мужчина... Она замерла на мгновение, чуть приоткрыв губы, будто не зная, как отреагировать. Взгляд её, обычно твёрдый и чуть настороженный, вдруг смягчился — в нём промелькнуло что-то почти детское: удивление и робкая благодарность.

— Спасибо, — произнесла она тихо, чуть хрипловато, и поправила халат, словно пытаюсь вернуть себе привычную собранность. — Я, в общем-то, и сама могла... Но всё равно спасибо.

Фельдшер улыбнулся — открыто, без тени насмешки:

— Да что там, пустяки. Зато теперь точно знаете, как этот упрямый автомат работает. В следующий раз справитесь на раз.

Я заметила, как она чуть покраснела — совсем слегка, но достаточно, чтобы это бросилось в глаза. Она взяла чашку, вдохнула аромат горячего кофе, и на долю секунды на её лице появилось выражение почти забытого удовольствия — не от самого кофе, а от ощущения, что кто-то сделал что-то просто так, без расчёта, без ожидания чего-то взамен.

Мы втроём стояли у окна приёмного покоя. За стеклом кружил первый осенний снег, а внутри вдруг стало как-то теплее. Врач, привыкшая всё решать сама, вдруг позволила себе на минуту не быть сильной. Фельдшер, обычно такой легкомысленный и игривый, выглядел неожиданно серьёзным и внимательным. А я вдруг подумала, что такие вот маленькие моменты — когда кто-то просто угощает кофе, когда кто-то протягивает руку — они и держат нас на плаву.

Она сделала первый глоток, улыбнулась — уже увереннее — и посмотрела на фельдшера:

— В следующий раз я вас угощу. Договорились?

Он кивнул, подмигнул и шутливо отдал честь:

— С нетерпением буду ждать.

А я, наблюдая за ними, подумала: может, не всё так безнадежно. Может, сила — это не только умение справляться в одиночку. Иногда сила — в умении принять помощь. И в смелости позволить себе быть не одной.

Пятница наступила неожиданно быстро. Всё это время я замечала, как меняется врач: в её глазах появился какой-то новый блеск, а улыбка стала чуть чаще появляться на лице — пусть и мелькала она всего на мгновение, прежде чем женщина вновь надевала привычную маску собранности.

Фельдшер тоже был не такой, как обычно. Он больше не флиртовал с каждой медсестрой, не отпускал легкомысленных шуток — вместо этого я несколько раз ловила его за тем, что он задумчиво смотрит в сторону кабинета врача, а когда замечал мой взгляд, смущённо отворачивался.

В день встречи он пришёл на смену раньше обычного, несколько раз проверил, хорошо ли выглажен халат, и даже принёс из дома небольшой флакон духов — совсем лёгкий, с цитрусовым ароматом. Я не удержалась от улыбки:

— Нервничаешь?

Он пожал плечами, стараясь выглядеть небрежно:

— Да нет, просто... хочется, чтобы всё прошло хорошо.

Когда рабочий день подошёл к концу, врач вышла из кабинета, на секунду замерла, увидев фельдшера у входа, и едва заметно улыбнулась. На ней было то же пальто, что и в прошлый раз, но волосы аккуратно уложены, а в глазах — непривычная для неё нерешительность.

— Ну что, идём? — спросил фельдшер, делая шаг навстречу.

Она кивнула:

— Да, конечно. Только... можно мы не в кафе? Я, если честно, немного боюсь всей этой атмосферы — столики, официанты, взгляды...

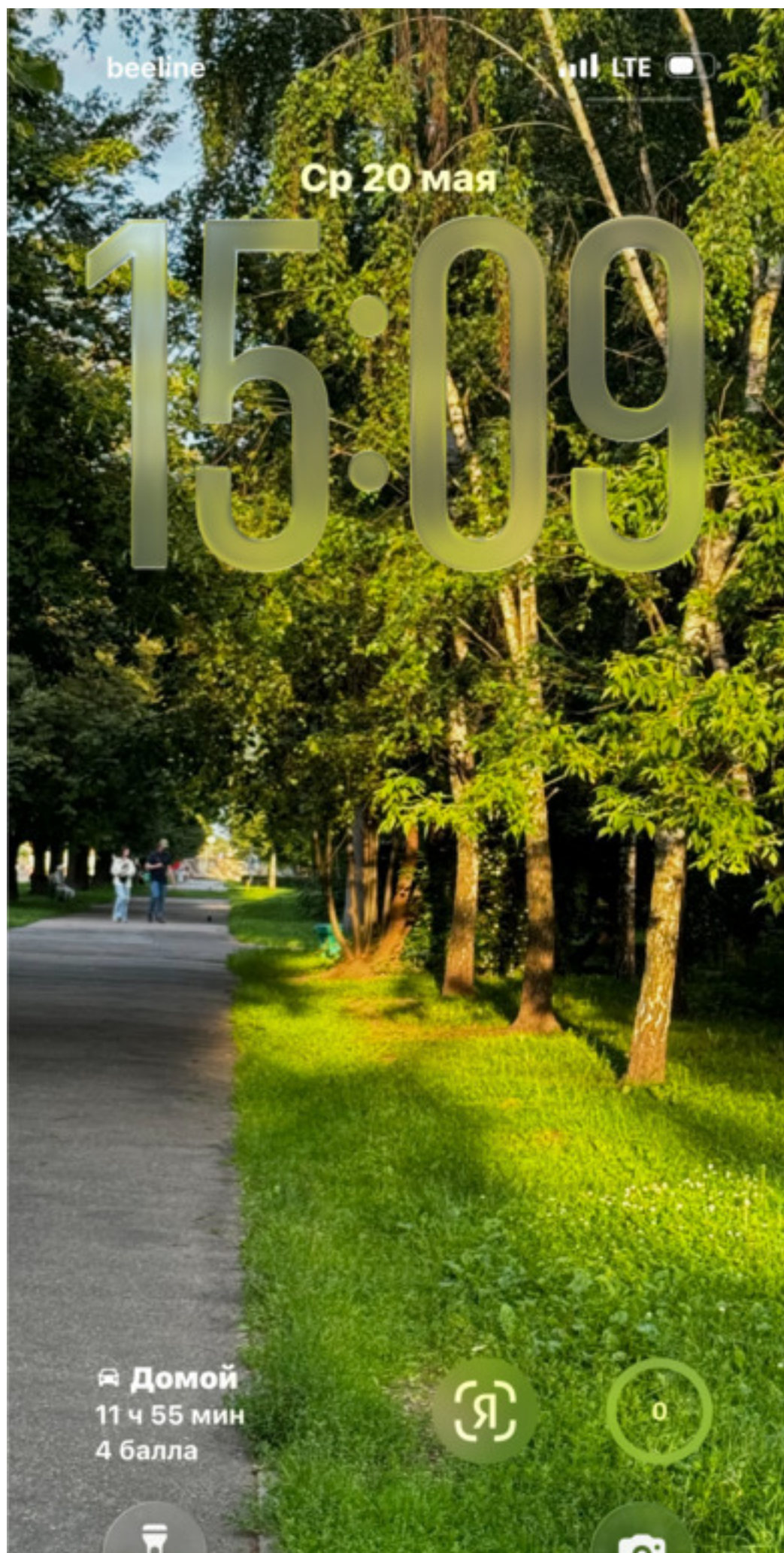
Он мгновенно отреагировал:

— Без проблем. А куда?

— Есть один парк неподалёку, — сказала она чуть тише. — Там сейчас, наверное, красиво: деревья в снегу, тишина... Можно взять тот самый яблочный пирог навынос и прогуляться.

— Идеальный план, — улыбнулся он. — Пойдём за пирогом.

Они вышли на улицу, и я смотрела им вслед из окна. Фельдшер чуть неловко, но заботливо предложил ей руку, и она, поколебавшись секунду, приняла её. Они шли рядом — не спеша, будто наслаждаясь каждым шагом, — а снег мягко кружился вокруг, укутывая мир в белое безмолвие.

На следующий день врач пришла на работу чуть раньше обычного. Когда она проходила мимо меня, я заметила, что в её глазах больше не было той усталости, которая годами лежала на них тяжёлым грузом.

— Всё хорошо? — осторожно спросила я.

Она на мгновение остановилась, посмотрела куда-то вдаль, будто вспоминая что-то приятное, и ответила:

— Да. Впервые за долгое время — действительно хорошо.

Фельдшер, который как раз проходил мимо с тележкой медикаментов, поймал её взгляд и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ — открыто, искренне, без тени прежней настороженности.

Я поняла, что иногда достаточно одной маленькой искры — чашки кофе, доброго слова, робкого приглашения — чтобы что-то в жизни изменилось. Чтобы человек, привыкший быть один, вдруг почувствовал, что рядом есть кто-то, кто готов идти с ним рядом. Шаг за шагом. Через снег. Через жизнь.

Прошла неделя — и перемены в поведении врача стали заметны всему отделению. Она всё так же оставалась собранной и строгой на работе, но теперь в её голосе порой звучали тёплые нотки, а в перерывах между приёмами она могла остановиться поговорить с кем-то не о пациентах, а просто так — о погоде, о книге, которую кто-то читал, о новом кафе на соседней улице.

Однажды утром я застала её у окна — она смотрела на рассвет, слегка улыбаясь своим мыслям.

— Красиво, правда? — сказала она, заметив меня. — Раньше я никогда не замечала, как красиво бывает по утрам. Всё бежала, спешила, считала минуты... А теперь вдруг остановилась.

Я подошла ближе:

— Значит, прогулка тогда в парке пошла на пользу?

Она чуть покраснела, но не стала отнекиваться:

— Да. Мы потом ещё несколько раз встречались. Просто гуляли, разговаривали... Он такой... лёгкий. С ним не нужно всё время быть сильной, доказывать что-то. Можно просто быть.

В этот момент в коридор вышел фельдшер — он нёс стопку папок с историями болезней, но, увидев нас, заулыбался и подошёл ближе.

— Доброе утро! — бодро произнёс он. — Анна Сергеевна, я тут подумал: сегодня вечером обещают ясное небо. Говорят, будет видно созвездие Ориона. В парке у обсерватории отличная смотровая площадка — там почти нет огней, звёзды видны прекрасно. Хотите посмотреть?

Врач на секунду замерла, потом кивнула:

— Хочу. Очень хочу.

— Отлично! Тогда в семь? Я захвачу термос с чаем и что-нибудь к нему.

— Договорились, — тихо ответила она.

Когда он ушёл, я повернулась к ней:

— Звёздное свидание?

Она рассмеялась — искренне, легко, так, как я не слышала уже давно:

— Похоже на то. И знаете... я вдруг поняла, что мне нравится это ощущение — когда кто-то планирует что-то для тебя. Когда не ты всё организуешь, не ты решаешь, не ты держишь на себе весь мир. Это... удивительно.

Вечером я случайно оказалась неподалёку от парка. Вдалеке, у смотровой площадки, я увидела две фигуры. Фельдшер что-то оживлённо рассказывал, размахивая руками, а врач слушала, запрокинув голову к небу, и улыбалась — по-настоящему, без масок и барьеров.

Они стояли рядом, смотрели на звёзды, и между ними больше не было той невидимой стены, которую она годами выстраивала вокруг себя.

На следующий день в отделении царила какая-то особенная атмосфера. Даже пациенты отмечали, что врач стала мягче — не в профессионализме, а в общении. Она внимательнее слушала, чаще подбадривала, а иногда даже шутила.

Фельдшер, проходя мимо её кабинета, незаметно оставлял на столе маленькую шоколадку или цветок с подоконника из холла. Врач, делая вид, что не замечает, всё равно чуть краснела и прятала подарок в ящик стола — но я видела, как позже она доставала его и улыбалась.

Однажды, когда мы остались одни в ординаторской, она вдруг сказала:

— Знаете, я столько лет думала, что сила — это когда ты всё можешь сама. Что если позволишь кому-то помочь, станешь слабее. А оказалось, что настоящая сила — в умении доверять. В том, чтобы принять протянутую руку и не бояться, что она тебя подведёт.

Я кивнула, понимая, что эти слова значат для неё гораздо больше, чем просто красивые фразы. Это было открытие — новое понимание себя и мира вокруг.

А за окном снова кружил снег, укрывая город белым покрывалом. Но теперь в этом снеге было что-то иное — не холод одиночества, а мягкое, уютное тепло, будто сама зима шептала: «Всё будет хорошо. Ты не одна».

Зима набирала обороты — дни становились короче, а вечера длиннее и холоднее. Но в отделении, казалось, потеплело: врач и фельдшер всё чаще появлялись вместе в перерывах, о чём-то тихо переговаривались у окна, а их улыбки становились всё увереннее и естественнее.

Однажды утром я застала фельдшера за необычным занятием: он аккуратно упаковывал в красивую бумагу небольшую коробку, перевязывал её лентой и что-то шептал себе под нос.

— Что готовишь? — улыбнулась я, подходя ближе.

Он слегка смутился, но глаза светились радостью:

— Да так... Анна Сергеевна как-то обмолвилась, что давно не читала хороших книг. А я нашёл редкое издание её любимого автора — с иллюстрациями, в твёрдом переплёте. Хочу подарить. Но боюсь, вдруг это слишком...

— Слишком? — я подняла бровь. — Слишком трогательно? Слишком внимательно? Слишком по-человечески? Да это как раз то, чего ей не хватало все эти годы.

Он выдохнул, улыбнулся:

— Спасибо. А то я уже начал сомневаться.

В тот же день после обеда врач вышла из кабинета с книгой в руках. Она долго рассматривала обложку, провела пальцами по тиснению, а потом подняла глаза на фельдшера, который стоял неподалёку и делал вид, что сортирует документы.

— Это вы? — тихо спросила она.

Он подошёл ближе, слегка краснея:

— Да. Надеюсь, угадал.

Она открыла книгу, увидела на форзаце короткую надпись: «Для тех моментов, когда нужно отвлечься от всего и просто быть счастливой», и её глаза наполнились слезами.

— Спасибо, — прошептала она. — Вы даже не представляете, как это много для меня значит.

Я заметила, как она на мгновение коснулась его руки — едва уловимо, почти случайно, но этого хватило, чтобы оба улыбнулись.

Через пару дней отделение готовилось к новомуднему корпоративу. Заведующая предложила устроить что-то душевное — без пафоса, просто вечер с коллегами, угощением и музыкой.

— А давайте устроим не просто ужин, а вечер воспоминаний? — предложила врач неожиданно. — Каждый принесёт что-то, что напоминает о самом светлом моменте в жизни: фото, игрушку, билет в кино... И расскажет историю.

Идея всем понравилась. Фельдшер вызвался помочь с организацией.

В вечер праздника зал украсили гирляндами, на столах появились домашние угощения, а в углу поставили небольшую ёлку. Когда все собрались, врач первой взяла слово:

— Мой предмет — эта книга, — она подняла подарок фельдшера. — И история простая: однажды кто-то заметил, что мне не хватает не только времени на чтение, но и ощущения, что обо мне кто-то думает. Что я — не только врач, мама, сотрудник, а просто человек. И подарил не просто книгу, а внимание. Спасибо.

Она посмотрела на фельдшера, и тот, смущаясь, кивнул в ответ.

По очереди коллеги делились своими историями — смешными, трогательными, иногда грустными. Атмосфера становилась всё теплее, смех — искреннее, разговоры — душевнее.

Ближе к концу вечера фельдшер подошёл к врачу:

— Может, потанцуем?

Она на секунду замерла, потом улыбнулась:

— Да, давайте.

Они вышли на импровизированную танцплощадку. Музыка играла тихая, старая, из тех, что напоминают о детстве. Они танцевали не идеально, немного неловко, но так естественно и спокойно, будто делали это уже много раз.

Я смотрела на них и думала: как мало нужно человеку, чтобы почувствовать себя живым. Чашка кофе, прогулка в парке, книга, танец... Но как много это может значить, если за этим стоит искренность.

Когда праздник подходил к концу, врач подошла ко мне:

— Знаете, раньше я думала, что счастье — это когда всё под контролем. Когда ты сама решаешь, сама делаешь, сама отвечаешь за всё. А теперь понимаю: счастье — это когда рядом есть кто-то, кто готов разделить с тобой и контроль, и неопределённость, и просто тишину. Кто видит тебя — настоящую.

За окном падал снег, укрывая город белым покрывалом. А внутри, в этом небольшом зале, царил то самое тепло, которое не купишь ни за какие деньги — тепло человеческого участия, доверия и зарождающейся любви.

На следующий день отделение вернулось к привычному ритму: звонки, осмотры, назначения, бесконечные списки анализов и консультаций. Но что-то неуловимо изменилось. В воздухе витала лёгкая, почти волшебная атмосфера — будто новогодний вечер не закончился, а просто перелился в будни.

Я заметила, что врач теперь чаще задерживалась возле поста, чтобы перекинуться парой слов с фельдшером. А он, в свою очередь, стал приносить ей термос с горячим чаем по утрам — «чтобы не замерзала между вызовами». Однажды я поймала их взгляды: они переглянулись, и оба тут же улыбнулись, будто знали какую-то общую тайну.

Как-то раз, разбирая старые шкафы в подсобке, я наткнулась на потрёпанную фотоплёнку. На ней были запечатлены первые дни работы отделения — ещё до того, как здесь появились и врач, и фельдшер. Я отнесла плёнку в лабораторию, и через пару дней у меня на руках оказались несколько распечатанных снимков.

На одном из них — молодой коллектив, все в белых халатах, стоят у входа в здание. Лица серьёзные, но в глазах — азарт и надежда. Я долго смотрела на это фото, а потом решила: надо показать его коллегам.

В обеденный перерыв я разложила снимки на столе в комнате отдыха.

— Смотрите, что нашла! — позвала я. — Это же почти история нашего отделения.

Все собрались вокруг, начали узнавать себя и других, вспоминать, кто где стоял, кто что говорил в тот день. Врач взяла один из снимков, внимательно рассмотрела его.

— Удивительно, — тихо сказала она. — Тогда казалось, что самое сложное — это начать. А оказалось, самое сложное — не потерять вот это... — она указала на снимок, где все смеялись, — лёгкость, веру, поддержку.

Фельдшер подошёл ближе, встал рядом.

— Но мы же не потеряли, — мягко сказал он. — Просто она теперь другая, эта лёгкость. Более зрелая, что ли. Более настоящая.

Врач подняла глаза, улыбнулась ему:

— Да, вы правы. Более настоящая.

Кто-то из медсестёр включил негромко ту самую мелодию, под которую они танцевали на корпоративе. И вдруг, словно по негласной договорённости, фельдшер протянул врачу руку:

— Ещё один танец? Хотя бы здесь, у стола?

Она засмеялась, но приняла приглашение. Они сделали пару шагов, слегка покачиваясь в такт музыке, и все вокруг невольно заулыбались. Кто-то даже начал подпевать.

Я смотрела на них и думала: вот оно, то самое тепло, которое не зависит от сезона. Зима за окном всё ещё набирала обороты — дни оставались короткими, вечера длинными и холодными. Но внутри отделения теперь всегда было светло. Не только от ламп дневного света, но и от чего-то большего: от маленьких жестов заботы, от искренних слов, от того, как один человек может согреть другого просто своим присутствием.

А вечером, когда все уже разошлись, я задержалась у окна. Снег падал крупными хлопьями, укрывая тротуары и скамейки. Вдалеке мерцали огни города, а в окнах отделения горел тёплый, уютный свет. И мне вдруг стало совершенно ясно: настоящие чудеса — они не в фейерверках и не в сказочных подарках. Они — в том, как мы относимся друг к другу. В том, что даже в самой напряжённой работе можно найти место для доброты. И что иногда самый важный диагноз — это вовремя заметить, что кому-то не хватает простого человеческого внимания.

Зазвонил телефон — очередной вызов. Я накинула куртку, проверила сумку и вышла на улицу, вдохнув морозный воздух. Впереди ждала работа, но на душе было легко. Потому что теперь я точно знала: там, в отделении, меня ждут не просто коллеги. Меня ждут друзья. Время шло. Разговор о детях больше не казался чем-то далёким и нереальным — он стал частью их общих планов, осторожных, но твёрдых надежд. Фельдшер, обычно сдержанный, теперь иногда заговаривал о том, как было бы здорово услышать в доме детский смех, увидеть, как маленькая ручка тянется к нему. Врач слушала, улыбалась — в её глазах смешивались мечта и тревога.

— Мне 52, — как-то сказала она, глядя в окно. — Успеем ли? Не поздно ли начинать?

— Успеем, — твёрдо ответил фельдшер. — Главное — захотеть. И сделать шаг.

Они решили попробовать ЭКО. Это было непросто: обследования, анализы, гормональная терапия, долгие ожидания и первые неудачи. Но каждый раз, когда врач опускала руки, фельдшер был рядом — держал за руку, шутил, чтобы развеять грусть, напоминал, что они в этом вместе.

— Помните, как вы подарили мне книгу? — как-то спросила она, сидя у окна в ожидании очередного результата анализа. — Тогда я впервые почувствовала, что не одна. Что кто-то видит меня не только как врача, не только как человека с обязанностями, а просто... как женщину, которая тоже может мечтать.

— И мы добьёмся этого, — сказал он, садясь рядом. — У нас всё получится.

И чудо случилось. Тест показал две полоски. Врач сначала не поверила, перепроверяла несколько раз, а потом подняла глаза на фельдшера — в них стояли слёзы. Он обнял её крепко, и они долго стояли так, не говоря ни слова.

Беременность протекала непросто, требовала особой осторожности и внимания. Но каждый визит к врачу, каждое УЗИ, каждый толчок малыша внутри превращались для них в маленький праздник.

Однажды на одном из последних УЗИ врач сама встала к аппарату. Фельдшер стоял рядом, затаив дыхание.

— Девочка, — тихо сказала она, всматриваясь в экран. — И... посмотрите. У неё голубые глаза.

Он замер, потом рассмеялся тихо, почти шёпотом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.